

А.И. Дуйсебаева* , Е.Н. Ноянов

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: a.dusebayeva@gmail.com

«РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» КОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА: РАЗВИТИЕ СЕНОКОШЕНИЯ В ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Исследование посвящено анализу развития сенокосения в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX веков в контексте колониальной политики Российской империи. Целью работы является изучение административных механизмов внедрения сенозаготовок и их воздействия на кочевое хозяйство казахов. Основная идея исследования заключается в рассмотрении сенокосения как инструмента «рационализации» степного хозяйства, который привел к фундаментальной трансформации экономического уклада и экологического баланса региона. Научная значимость определяется новым подходом к изучению сенокосения как самостоятельного фактора изменений, а не только сопутствующего земледелию явления. Методология основана на концепции governmentality М. Фуко, позволяющей раскрыть механизмы колониального управления через дискурс о «рациональном» хозяйствовании, преодолевающий «отсталость» кочевого быта. Анализ архивных материалов и данных статистических экспедиций выявил механизмы административного воздействия (установление обязательных норм заготовки сена, распространение сенокосильных машин, реорганизация пастбищных угодий) и их последствия для традиционного хозяйства, в виде изменений в структуре стада в пользу крупного рогатого скота, развитию стойлового содержания животных и деградации почвенного покрова на распаханых территориях. Ценность исследования заключается в комплексном анализе взаимосвязи колониальной политики, хозяйственных практик и экологических изменений.

Ключевые слова: сенокосение, кочевое скотоводство, Тургайская область, governmentality, трансформация кочевого хозяйства.

A.I. Dusebayeva*, E.N. Noyanov

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: a.dusebayeva@gmail.com

«Rationalizing» the nomadic economy: the development of haymaking in Turgai region in the late 19th – early 20th centuries

This study analyzes the development of haymaking in the Turgai region during the second half of the 19th and early 20th centuries within the context of the Russian Empire's colonial policy. This research aims to examine the administrative mechanisms for introducing haymaking and its impact on the Kazakh nomadic economy. The main idea of the study is to consider haymaking as a tool for "rationalizing" the steppe economy, which led to a fundamental transformation of the economic structure and ecological balance of the region. The scientific significance is determined by a new approach to studying haymaking as an independent factor of change, rather than merely a phenomenon accompanying agriculture. The methodology is based on M. Foucault's concept of governmentality, which allows revealing the mechanisms of colonial governance through discourse about "rational" management that overcomes the "backwardness" of nomadic life. Analysis of archival materials and statistical expedition data revealed mechanisms of administrative influence (establishing mandatory hay procurement norms, distributing mowing machines, reorganizing pasture lands) and their consequences for the traditional economy, manifested in changes in herd structure favoring cattle, development of stall-feeding practices, and soil degradation in plowed territories. The value of the research lies in a comprehensive analysis of the interconnection between colonial policy, economic practices, and environmental changes.

Keywords: haymaking, pastoral animal husbandry, Turgai region, governmentality, transformation of pastoral economy

А.И. Дуйсебаева*, Е.Н. Ноянов

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: a.duisebayevaaa@gmail.com

Көшпелі шаруашылықты «оңтайландыру»: XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басында Торғай облысында пішен шабудың дамуы

Зерттеу жұмысы Ресей империясының отарлау саясаты жағдайында XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басындағы Торғай облысындағы пішен шабу шаруашылығының дамуын талдауға арналған. Жұмыстың мақсаты – пішен шабуды енгізудегі әкімшілік биліктің басқару тетіктерін және олардың қазақтардың көшпелі шаруашылығына әсерін зерттеу. Зерттеудің негізгі идеясы пішен шабуды дала шаруашылығын «оңтайландыру» құралы ретінде қарастыра отырып, аймақтың экономикалық құрылымы мен экологиялық тепе-теңдігін түбегейлі өзгертуге әкелгенін айқындау. Ғылыми маңыздылығы пішен шабуды егін шаруашылығымен бірге жүретін құбылыс ретінде ғана емес, өзгерістің дербес факторы ретіндегі қызметіне жаңа көзқарас арқылы зерттеуімен анықталады. Әдіснамалық негізі М.Фуконың governmentality (басқарушылық) тұжырымдамасына негізделген, көшпелі өмірдің «артта қалуын» жою дискурсы арқылы «оңтайлы» шаруашылық жүргізудің отаршылдық басқару тетіктерін анықтауға мүмкіндік береді. Архив материалдары мен статистикалық экспедициялар деректерін талдау әкімшілік ықпал ету тетіктерін (шөп дайындаудың міндетті нормаларын белгілеу, шөп шабу машиналарын тарату, жайылымдық жерлерді қайта ұйымдастыру) және олардың дәстүрлі шаруашылыққа тигізген салдарын – табын құрылымының ірі қара мал пайдасына өзгеруі, малдың қоралық ұстау жүйесінің дамуы және жыртылған аумақтардағы топырақ құнарлылығының төмендеуі түріндегі өзгерістерді анықтауға мүмкіндік берді. Зерттеудің құндылығы – отаршылдық саясат, шаруашылық тәжірибе және қоршаған орта өзгерістері арасындағы байланысты жан-жақты талдау.

Түйін сөздер: пішен шабу, көшпелі мал шаруашылығы, Торғай облысы, governmentality, көшпелі шаруашылық трансформациясы.

Введение

При изучении новых форм хозяйственного уклада в казахском обществе и осмыслении значимости различных культурных и социальных практик исследователи уделяют особое внимание развитию земледелия. Одновременно с этим сенокосение также стало важной составляющей казахского хозяйства, что было обусловлено интенсивным заселением степных территорий и сокращением пастбищных угодий для выпаса кочевого скота. Данные процессы привели к существенным изменениям в структуре скотоводческого хозяйства. Наблюдалось заметное увеличение доли крупного рогатого скота и переход к его стойловому содержанию, что, в свою очередь, потребовало пересмотра системы кормления животных. Некогда обычное стадо казах-кочевника, привыкшего пастись в теплое время года, и «тебеневать» в зимний период (Левшин, 1832: 197; Гавердовский, 2005: 478; Рычков, 1762: 293; Семенов, 1903: 240), по мнению царской власти теперь нуждалось в заготовке сена, в первую очередь на случай сурового зимнего периода и невозможности выпаса на дальние расстояния. Как раз эта причина стала важным моментом, в котором царская администрация стала предлагать один из «рациональных» методов

ведения хозяйства, в решении такой проблемы как безкормица (Campbell, 2018: 64). Указанные изменения неизбежно повлияли на организацию зимнего содержания скота и способствовали появлению спроса на сельскохозяйственные орудия труда. Одновременно с развитием сенокосения, причем еще более активно, происходило становление земледелия, включавшего выращивание зерновых и возделывание кормовых трав. Эта взаимосвязь была обусловлена изменением структуры питания скота – помимо традиционных луговых и степных трав, теперь зерновые культуры стали частью кормового рациона скота. После вспашек которых во 2-3 раз, земли превращались в залежи, где после не росла на оставленных пашнях даже ковыль. Таким образом, в данной статье, на примере «рационализации» кочевого хозяйства и развития сенокосения анализируется его преобразующее воздействие на устоявшийся образ жизни казахского общества и его степного пространства.

Обзор литературы

Относительно развития земледелия в степном пространстве существует значительный объем данных и исследовательских работ, датируемых первой половиной XIX века. Эти ма-

териалы освещают становление земледелия как хозяйственной деятельности, включая формирование системы и методов специальных агротехнических приемов посева и орошения (Левшин, 1832: 23, 200-204; Мейер, 1865: 103-105; Сейдалин, 1870: 243-249; Полферов, 1896: 19-31; Гавердовский, 2005: 487). В свою очередь этот вопрос также волновал казахскую интеллигенцию XIX века, так как они рассматривали переход к земледелию и заготовке сена не просто как хозяйственный вопрос, а как ключевой элемент царской политики, направленный на трансформацию казахского общества и землепользования. Они понимали, что изъятие земель у казахов и создание переселенческого фонда приведут к принудительным изменениям основы казахского хозяйства. Казахская интеллигенция, в лице А. Букейханова (Қыр баласы, 2023а: 354; 2023б: 344-346; 2023в: 450-451; 2023г: 136-137), А. Байтурсынова (А.Б., 2023: 46-47) была вынуждена искать баланс между необходимостью адаптации к новым экономическим реалиям и сохранением национальной идентичности. Это объясняет их обращения казахскому народу, о том, что кочевое скотоводство возможно имеет все возможности сосуществования в сочетании с земледелием, но категорический против наделов по 15-десятинам земли на душу.

Несмотря на это, определить время и способы первого появления сельскохозяйственных культур в степи представляется весьма сложной задачей. В своем исследовании развития земледелия и сенокосения у казахов с XVIII по XIX век Н.Г. Аполлова выдвинула предположение о влиянии земледельческих культур соседних народов на казахское хозяйство. Согласно ее мнению, такое воздействие могли оказывать тобольские татары на севере, каракалпаки и узбеки на юге, а также соседство с поселениями «прилинейного» казачества и русских крестьян вдоль укрепленных линий (Аполлова, 1960: 154). В целом к таким же выводам приходят авторы коллективного труда о хозяйстве казахов XIX-XX веков и ответственный редактор, в лице Г.Ф. Дахшлейгера, который лишь добавляет мнение о преимуществом культуры земледелия древних насельников степи с земледельческим хозяйством казахов, и неуклонном его росте в XIX веке под воздействием совокупности экономических и политических факторов (Хозяйство казахов..., 1980).

В современной казахстанской историографии труды, исследующие вопросы развития зем-

леделия и сенокосения, носят преимущественно обзорный и нарративный характер, при этом не отрицая значительного влияния переселенцев на трансформацию традиционного кочевого хозяйства. К примеру исследования о том, как во второй половине XVIII века, происходит подъем культуры земледелия на всей территории Казахстана (Прохоров, 2006), представлявший собой адаптивную систему хозяйствования, дополняющую кочевое скотоводство в условиях аридной зоны (Масанов, 1995: 74-77). В тоже время подробно исследованы вопросы о типах земледелия (Казахи..., 2021: 264-268), сельскохозяйственных культурах (Казахи..., 2021: 268-269), орудиях труда (Казахи..., 2021: 269-270) и об организации земледельческого хозяйства (Казахи..., 2021: 270-278). То есть, представляется, как географические особенности Казахской степи значительно сдерживали развитие земледелия, в котором неплодородные почвы, нехватка воды, засуха и континентальный климат создавали серьезные препятствия. Очаги земледелия формировались только там, где имелись достаточные водные ресурсы, где также имелись плодородные почвы с высоким качественным составом и глубоким залеганием, отличавшиеся наиболее богатыми и разнообразными характеристиками.

В англоязычной историографии проблематика аграрных трансформаций рассматривались через призму различных методологических подходов и исследовательских направлений в изучении имперского прошлого. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений стала концепция «переселенческого колониализма», которая позволила интерпретировать земледельческие изменения в степных регионах, как результат целенаправленной колониальной политики. В исследованиях А. Моррисона, российская переселенческая политика концептуализируется как **целостный колониальный проект**, характеризующийся тремя ключевыми компонентами: разработанной законодательной базой, «научным» идеологическим обоснованием и последовательной государственной поддержкой переселенцев (Morrison, 2016). Стратегической задачей данного проекта являлось занятие «пустых» земель коренных народов Сибири и Центральной Азии и их замещение русскими и украинскими переселенцами. «Примитивное» кочевое скотоводство противостояло «прогрессивному» земледелию, в котором переселенцы должны были «научить» коренное население земледелию. Переход к земледелию в россий-

ской переселенческой политике было не просто экономической деятельностью, а ключевым механизмом колониального доминирования.

Это мнение подтверждает и Я. Кэмпбелл, он считает, что по мнению царской администрации, переход к земледелию, которое стояло «безусловно выше» кочевого скотоводства, стал неким решением не только освоения новых территорий, но решением проблемы казахской отсталости (Campbell, 2017: 111). В этом смысле Кэмпбеллом также выдвигается интересная концепция, на основе «рационального управления» – governmentality, которое он связывает с таким явлением, как «джут» – падеж скота в связи с бескормицей в зимний период. По его мнению, царские власти смогли превратить «джут» из обычного природного явления, с которым казахи-кочевники традиционно справлялись, в символ «отсталости» кочевого образа жизни, требующий кардинального вмешательства государства (Campbell, 2018). В свою очередь, предотвращение этой катастрофы стало оправданием для «переселенческого колониализма» и массового переселения крестьян, «цивилизаторов», которые научат казахов земледелию и заготовке сена. Эти попытки исправить и предотвратить, Я. Кэмпбелл связывает с Фуко-правительством (Foucauldian governmentality), стремлением минимизировать риск и повысить благосостояние своего населения, которое завуалировано решает проблему во благо государства, но в котором решение должно принимать само население. То есть новые практики которые предлагала царская администрация, в последствии должны были, и даже в какой то мере стали одной из обычных *отраслей сельскохозяйственного производства казахов к XIX веку*.

Очевидно, что земледелие и его влияние на казахское хозяйство получило должное внимание исследователей, то сенокошение продолжает оставаться малозаметным вопросом, где оно неизменно выступает в качестве сопутствующего земледелию явления, несмотря на то, что развивалось как самостоятельная отрасль и представляло собой еще одно «рациональное» решение проблем казахского хозяйства с соответствующим влиянием на его трансформацию. Обязательство заготовки сенных запасов, закупка и распределение сенокосильных машин с рассрочкой платежа на несколько лет, а также передача пастбищных земель под сенокосные угодья стали одними из важнейших мер администрации по развитию сенокошения. В свою очередь, хлевное содержание скота, новые прак-

тики землепользования и снижение плодородия почвенного покрова явились ответом на данные преобразования.

Последнее является не менее важным аспектом для изучения, так как преобразование степного пространства происходило от восприятия как необходимого прогресса до непонимания его разрушительных последствий. В данном контексте Д. Мун (2013: 4) исследовал российские степи к западу от Урала, простирающиеся до казахских степей, где усилия переселенцев по адаптации к природным условиям кардинально изменили преобладающие модели землепользования в степном регионе – с пастбищного на пахотное. Переселенцы уничтожили местную растительность, дикие травы и вытеснили часть фауны. Подобные изменения природной среды привели к еще более серьезным проблемам, включая засуху и нехватку водных ресурсов. Посадка деревьев и применение искусственного орошения стали методами решения этих новых вызовов (Moon, 2013: 171).

Аналогичная схема применялась в регионе Аральского моря при попытках преобразования ландшафтов Центральной Азии посредством гидравлических проектов. М. Петерсон (2019: 3) утверждает, что орошение Центральной Азии, осуществлявшееся российским, а затем советским правительствами, являлось одновременно имперской политикой и частью глобальной тенденции использования современных технологий для управления природой. Методы орошения, которые привели к сокращению и, по некоторым оценкам, исчезновению Аральского моря, стали результатом «имперского высокомерия». В этой связи закономерно, что некоторые исследователи экологической истории посвятили свои работы анализу воздействия колониализма на окружающую среду периферийных обществ. И хотелось бы, чтобы данная статья и попытка исследовать влияние сенокошения на хозяйственный уклад и экологический баланс в степи смогла продолжить эту исследовательскую линию, проливая новый свет на характер колониализма в степи.

Материалы и методы

В данном исследовании поставленная проблема изучается в рамках case study, при котором в качестве территориальных границ исследования определены границы Тургайской области. Данный выбор был обусловлен несколькими причинами. В первую очередь, Тур-

гайская область была зоной контакта между степью и Российской империи, так как занимала особое место, как пограничная территория вблизи Оренбургской губернии. Во-вторых, в последствии отмены крепостного права в России, усилился поток переселенческого движения именно на территорию Тургайской области, и впоследствии область стала зоной контакта между переселенцами и казахским обществом. После упразднения Оренбургского генерал-губернаторства область приобрела большую экономическую значимость, и стала зоной контакта новых отношений между Средней Азией и внутренними губерниями России. К экономическому потенциалу края, была прибавлена новая задача транзитных путей, при котором Тургайская область находилась на пересечении выгодных торговых путей, проходящих из России в Среднюю Азию.

Методологической основой статьи является концепция «рационального/разумного управления» – *governmentality* (Фуко, 2011: 314), как колониальная государственная риторика. Имперское колониальное управление стремилось минимизировать риски и повысить благосостояние населения ради своего интереса. Вмешивалось во все сферы жизнедеятельности населения, в его общественное и личное пространство. *Это можно рассмотреть в регуляции жизненных процессов населения, познании дисциплинарности через введение норм и нормативностей, отталкиваясь от коих происходит разделение нормы и отступление от нормы общего поведения населения. О попытках «регуляции» администрации и развивающих теорию governmentality работах также можно рассмотреть труды Я.Кэмпбелла (Campbell, 2018), А. Агравала (Agrawal, 2005), М.Ханны (Hannah, 2000), Дж.Вернона (Vernon, 2007) и И. Хакинга (Hacking, 1990).*

Статья подготовлена на основе делопроизводственных документов Областного правления Тургайской области (ЦГА РК Ф. 25). Кроме того, источниковая база исследования включает в себя материалы статистических и исследовательских экспедиций второй половины XIX века, ряд научно-публицистических работ, а также научные труды представителей органов правления, созданные и использованные в служебных целях.

Результаты и обсуждение

Известное прилинейное соседство в северных, в северо-западных и северо-восточных рай-

онах казахской степи, постепенно приводило к отклонению от обычных форм «пастушеского» хозяйства казахского населения. Что можно показать на примере Кустанайского уезда, Тургайской области. В первую очередь, это было связано с процессом водворения переселенцев в город Кустанай и проектированного при городе земледельческого поселка. Непрерывное движение переселенцев начиная с 1881 года, было особенно сильно с 1884 по 1888 год. Переселенцы переходили массами, поземельное устройство оставалось совершенно неустроенным в административном отношении. Еще одна проблема была связана с разделением хозяйств между кустанайскими мещанами и крестьянами. Первоначально предполагалось предоставить мещанам только усадьбы с правом пользования выгоном, а десяти тысячный пахотный участок отвести под земледельческий поселок. Однако на практике провести такое разграничение оказалось невозможным, поскольку мещане также нуждались в пахотной земле (Кауфман, 1897: 6).

По словам А.А. Кауфмана, известного исследователя переселенческого движения, администрация надеялась, что таких семей в каждом году будет все меньше, а большинство мещан либо займется торговлей и промыслами, либо поведет земледельческое хозяйство, на «коммерческих основаниях», то есть на арендованной у казахов земле (Кауфман, 1897: 7). Ожидания эти оправдались, однако лишь отчасти: довольно многие переселенцы, действительно, арендовали у казахов земли больших участков, но некоторые умудрялись пересдавать их уже другим крестьянам по возвышенной цене. Как и большинство предпочло самовольно распахивать городской отвод, причем совершенно не соблюдая назначенных границ, забирая во все стороны все дальше во внутренние районы степи (Кауфман, 1897: 7). И как отмечено было ранее, переселенцы к 1886 году захватили вместо тринадцати, до сорока тысяч десятин. Казахи жаловались уездному начальнику, иногда пытались остановить захватчиков силой. На примере таких споров (Кауфман, 1897: 7, 9, 29), в мае 1885 года произошло столкновение, окончившееся, по официальным сведениям, убийством двух казахов (Кауфман, 1897: 7).

Данные проблемы на этом не завершились. После постоянной эксплуатации естественного плодородия целинных земель переселенцы, получив с них все возможное без применения агротехнических приемов ухода и парования, переходили на освоение новых целинных участков.

Впоследствии они могли просто переселяться в казахские аулы хуторами или на летний период перебираться на зимовки казахов (Кауфман, 1897: 13). Окончательным толчком, побудившим многих жителей Кустаная к переходу на жительство в казахские земли, послужило отведение вблизи города огромного участка под Кустанайскую заводскую конюшню, в состав которого вошли практически все казахские луга, расположенные в непосредственной близости от города.

Переселенцы постепенно, но неуклонно перемещались от укрепленных линий все ближе к казахским аулам. Вследствие этого возник процесс сокращения территорий кочевания и перекрытия кочевых путей из-за освоения переселенцами новых земель. Как точно отражает эту мысль Ф. Щербина, статистик, возглавлявший статистическую экспедицию в двенадцати уездах Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях, который при описании преобразований в области, отмечал об «узких и широких полосах пашни, и сплошных посевах хлебов на довольно значительных площадях легли уже по степи ненарушаемыми гранями, перед которыми кочевник-скотовод должен был остановиться вместе со своим стадом, как перед пределом, его же не пройдешь» (МКЗ Т.VII, 1903: II).

Развитие новых хозяйственных форм отразилось на всем, на характере поселочных форм, и на способах ведения хозяйства, на состав стада, и на порядках землепользования. «На смену пастуху и непрерывно кочующему с ним стаду, выдвинулись земледельческие занятия, а там где врезался в грудь плуг пахаря, начался рост земледельческого быта» (МКЗ Т.VII, 1903: IV). Ф. Щербина также подчеркивает, что материалы экспедиций по степным областям наиболее убедительно свидетельствуют о том, как существенно трансформировались быт и кочевое хозяйство казахов в направлении более «сложной культуры» (МКЗ Т.V, 1903: IV).

Особенно характерным признаком данных изменений стало развитие сенокосения. Если ранее в отдельных заметках о скотоводстве казахов И.В. Рычков отмечал (1762: 293), что казахские лошади «сена не знают», поскольку они содержатся зимой и летом в степях, а Я.П. Гавердовский подмечал (2005: 475), что для «русских покупателей ничто столь не тягостно, как приучать лошадь к упряжке, а также к овсу и сену», то спустя не более двух десятилетий А.И. Левшин (1832: 23) писал о «некоторых киргизах»,

особенно кочующих при русской границе, которые заготавливают осенью сено, делают землянки и городят плетни для скота. Как и Ф. Щербина, исследуя северо-западные части Казахской степи в 1898-1899 годах, наблюдал совершенно иную реальность, где уже были определены покосные урочища. Разделенные между аулами покосы имели установленный порядок и время покоса, при котором хозяйства заготавливали сено сообща или «подворно» (МКЗ Т.VII, 1903: 32-33).

Одно из первых упоминаний в официальных представлениях Областного правления, о занятиях сбора сена и об обеспечении таковым народного продовольствия было зафиксировано в 1870 году. В первую очередь, вопрос стоял об ограждении народного скота от случайностей неурожая трав, гололедей и снежных буранов, путем необходимости делать общественные запасные заготовки сена, на прикорм скота во время зимы (Обзор, 1871: 6). Основными факторами стали неурожай кормовых трав и высокий снежный покров, сделавший зимний выпас практически невозможным во многих районах. В 1870 году Тургайский уезд понес существенные потери поголовья из-за нехватки кормов. В одних лишь Тусунской и Наурзумской волостях убытки достигли 73000 рублей. При этом власти осознавали, что в ряде территорий области создание централизованных сенных запасов нереализуемо, как к примеру, в Иргизском уезде, указывая на дефицит пригодных для сенокосения угодий (Обзор, 1871: 7). Это как раз то, о чем упоминает Я. Кэмпбелл, попытка государства минимизировать риск и повысить благосостояние своего населения. Если он приводит пример, как правительство стало вводить ссудные кассы, для помощи пострадавшему от джута населению, и как успешная борьба с ним обещала более благополучное и безопасное существование (Campbell, 2018: 73), то следующий пример сбора сена и обеспечение таковым народного продовольствия можно рассматривать как новый пример Фуко-правительства (Foucauldian governmentality).

С 1871 года, согласно правилам, составленным областной администрацией, было начато создание сенных запасов. В Николаевском уезде (переименованном в 1895 году в Кустанайский) запасы сена были созданы только в Ара-Карагайской волости, в остальных уездах и волостях пока не признали необходимым учреждать общественные заготовки. Последние перегоняли

скот в суровые зимы в Хивинские пределы или частично в Сыр-Дарьинскую область (Обзор, 1872: 6).

К 1872 году были заготовлены запасы сена в пяти волостях Тургайского, и в одной волости Николаевского (Кустанайского) уезда. Но все еще не были конкретизированы в цифровом значении эти «значительные заготовки» (Обзор, 1873: 4-5). К этому процессу были прибавлены, как поддержка скотоводству областные и волостные ссудные кассы (Обзор, 1873: 3). Ссудная касса при Областном правлении имела капитал в 25000 рублей, к 1875 году в 15 волостных ссудных касс была собрана сумма в 21168 рублей (Обзор, 1876: 6). Общее количество запасного сена по годам выглядело следующим образом: в 1876 г. 862541 пудов (Обзор, 1877: 6), 1877 г. 1058920 пудов (Обзор, 1878: 3), 1878 г. 1145238 пудов (Обзор, 1879: 4).

Последний по уездам расположился следующим образом: в Илецком уезде (с 1891 г. переименованный в Актюбинский) собрано 298805 пудов, Николаевском (Кустанайском) 520468 пудов, и в Тургайском 325965 пудов. Отсутствие данных о запасах второго южного уезда Иргизского, как и в 1870-х годах, объяснялось нехваткой водных, растительных и почвенных ресурсов. Казахи выражали эту проблему поговоркой: «Сортаң жерге шөп шықпас; Шөп шықса да, көп шықпас», подчеркивая, что на засоленных землях трава не растет, а если и появляется, то в незначительных количествах.

Однако со временем сбор общественных запасов сена шел очень медленно и неаккуратно. Не было регламентированного количества взноса сена, как и строгого наблюдения за его хранением. С каждым разом население уклонялось от взносов сена под разными предлогами. В годовых отчетах Областного правления также перестали мелькать цифровые данные по санным запасам. По представлению Областного правления, для дальнейшего функционирования санных запасов сама практика нуждалась «в подробных и определенных правилах образования запасов и мерах за точным их соблюдением» (Обзор, 1897: 6). При таком состоянии общественных санных запасов в 1885 году военным губернатором было принято решение предоставить заготовление сена каждому кибитковладельцу самостоятельно, а сборы сена в общественные запасы прекратить (Обзор, 1897: 6).

Природно-климатические особенности степи создавали серьезные трудности как для казах-

ского населения, так и для областных властей. Однако если для коренных жителей это являлось привычным элементом жизненного уклада, с которым они стремились сосуществовать и адаптироваться, то для вторых это было неким препятствием, требующее решения. Зимний период 1891-1892 годов обернулся катастрофическими потерями поголовья, вызванного сочетанием засушливого лета, провального урожая трав и после гололедицы. Перегнать скот в другие места не представлялось никакой возможности, так как животные, обессиленные от голода, не могли быть перегоняемы на большие пространства по скользким и лишенным корма местностям (Добросмыслов, 1892: 5-13). Общий процент смертности скота составил 35,7% (Добросмыслов, 1892: 19). В череде решимости взять ответственность за решение очередной проблемы «самого правительства» (Борьба..., 1894: 1; Михайлов, 1894а: 3), в 1893 году решением Областного правления вновь было преступлено к образованию санных запасов на основании новых правил. С разрешения Министерства внутренних дел от 9 апреля того же года (Обзор, 1894: 2) были введены в действие временные меры до утверждения Государственным советом проекта общего для всех степных областей положения о санных запасах (Обзор, 1897: 7).

По правилам было необходимо довести норму запаса сена до 3-х стогов на каждую кибитку, и образовать запасы сена при зимовках каждых 50 кибитковладельцев. Затем каждую группу из 50 кибиток разделить на три разряда и обязать владельцев скота к ежегодным взносам сена в склад: тех, кто имеет от одной до 6 голов скота по одному возу сена; скотовладельцев с поголовьем от 5 до 10 голов по два воза; имеющих свыше 10 голов скота по три воза. Собранное сено складывать в скирды, а сбережение от хищений и растраты возложить на главу вышеупомянутых 50 кибиток. В сохранении сена должны принимать участие все остальные члены 50 кибиток. Сбор сена производить осенью, одновременно обязав каждого кибитковладельца привезти свое сено, заключающееся не менее 25 пудов в возу. Склад сена для охранения от потравы копать рвом. Принимаемое уже от каждого кибитковладельца сено, записывать в особо установленную книгу, которую сдать на хранение местному аульному старшине. Выдачу сена производить в присутствии аульного старшины и избранных из 50 кибиток доверенных лиц (Михайлов, 1894б: 2), и лишь в бедственные годы и никак не ранее

15-го февраля. Размер выдаваемой ссуды возложить на усмотрение всех избранных из среды аульного общества лиц, по мере надобности нуждающегося. Сено, изъятое из склада, подлежало восполнению с первым урожаем трав (Михайлов, 1894б: 3).

В 1894 году, год спустя после установления обязательного сбора сенных запасов, для оценки практической реализации этой меры всем областным ветеринарам было дано задание провести тщательное исследование состояния всех общественных сенных запасов (Обзор, 1897: 7). Один из таких отчетов был получен от 4-го ветеринарного участка Актюбинского уезда. Ветеринарным врачом Кербак, было донесено о том, что во всех без исключения волостях 4-го участка, количество сена показано самовольно и слишком преувеличено (ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4237. Л. 56.). Главной причиной такому заключению послужил порядок сдачи, и количество сдаваемого сена. По мнению ветеринарного врача, казахи вместо положенных 25 пудов в 1 воз, сдавали всего 12-18 пудов, или в среднем 15 пудов. Если, например, в Каратугайской волости конечные результаты показывали 100%, то на самом деле это соответствовало 75%. В остальных 3 волостях не достигло и этого порога (ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4237. Л. 56об.). Далее, он описал действия самих казахов, о нежелании хранить сено, собирая собственные частные запасы, гоняя в зимнее время свой скот на казенные запасы и протравляя их. Если считать эту потраву составляющая около 10% от собранного сена, а во многих складах кроме того еще встречалось значительное количество испорченного, гнилого и заплесневевшего сена, то общее заключение звучало следующим образом: «в сенных запасах по 4-му участку имеется всего 65%, или в среднем 45-50% установленной нормы» (ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4237. Л. 57.). Последнее касалось и Кара-Хобдинской волости, во второй Хобдинской волости имелось всего 75-80% против установленной нормы (ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Кн. 2. Д. 4245. Л. 280.).

Вероятно, подобное противоречивое отношение казахов объяснялось не только их нежеланием, но и скептическим отношением к этим сенным запасам. Ветеринарный врач 5-го участка В.В. Лавров, действительно отмечает о недоверии казахов к общественным запасам. «Казахи называют его «казна пшен» (қазына пішен – государственное сено), и думают, что когда будет нужно, будут выданы крохи. Остальное

останется у волостного и местного управления» (ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4206. Л. 73об.). Речь о «казенности» общественных запасов встречается и в рапорте у Кербака (ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4237. Л. 56об.).

И все же в виду «настойчивых» требований администрации об образовании запасов сена, казахи стали выкашивать не только луга, но и ковыльные степи, с которых теперь и собирали главную массу сена (Обзор, 1895: 6).

До освоения русской косы главным инструментом казахов служил «шалгы-орак» (коса-серп) или «шот-орак» (Аргынбаев, 2007: 59). Представлял собой прямое ручное орудие с изогнутым к концу лезвием, снабженное острой мелкозубчатой внутренней кромкой не более 30 см в длину и рукояткой протяженностью 40-60 см. Этим инструментом традиционно пользовались для уборки небольших участков зерновых культур и жатвы хлебов (Орак, 2017: 609). Но позже в быту появилась сначала русская коса-горбуша, с короткой и изогнутой ручкой, позднее и коса-литовка – с длинным черенком (Аргынбаев, 2007: 59). Но косой можно было косить только на лугах, а в новых реалиях, ковыль на больших пространствах выкашивать ручными косами было сложно (Бенькевич, 1918: 10). И чтобы как то «облегчить» населению выполнение этой повинности, в том же 1893 году были закуплены и розданы в долг отдельным кибитковладельцам 43 сенокосильные машины. На покупку их было израсходовано 11 000 рублей, уплата которых была рассрочена на несколько лет (Обзор, 1895: 2). Еще в 1892 году А. Жакмон в разделе корреспонденции «Московских ведомостей» писал о закупе в Петербурге в весну 1891 года, до 50 сенокосилок, по распоряжению Тургайского Областного правления. И как он пишет, в дальнейшем были розданы хозяевам-казахам Буртинской волости, Тургайской области (Жакмон, 1892: №237). Сенокосилки, кроме того, в том же 1893 году еще можно было встретить у некоторых богатых киргиз в Актюбинской (3 шт), Хобдинской (2 шт), Каратугайской (7 шт) и Арал-Тюбинской (1 шт) волостях того же Актюбинского уезда и в Бистюбинской (1 шт), Суундукской (1 шт), Дамбарской (1 шт) и Саройской (12 шт) волостях Николаевского (Кустанайского) уезда.

Между тем экспедиционные материалы статистических исследований степных территорий, организованных в северных уездах Тургайской области под руководством Ф. Щерби-

ны, задачей которого было точно определить количество земли, необходимое для проживания местного населения, и количество, которое могло быть выделено для использования вновь прибывшими земледельцами, и позднее в южных уездах под руководством П. Хворостанского, который должен был «пересчитать» эти данные, дали возможность проследить динамику роста использования новых орудий труда и механизмов. Эти исследования также позволили оценить общее состояние и степень развития сенокосных практик в степных областях среди казахских аулов.

В.Я. Бенькевич, бывший заведующий ветеринарный врач Тургайской области, активно использовал статистические материалы этой же экспедиции для демонстрации эффективности административных мер в сельском хозяйстве. Он отмечал важность данной «эволюции», подчеркивая, что казахи, еще 25 лет назад сравнительно мало заботившиеся о заготовке корма, теперь собирают тысячами пудов и копен сена, проса и соломы. Однако в то же время они все еще не имели возможности заготавливать полностью необходимое на зиму количество корма для скота (Бенькевич, 1918: 122-132).

Таблица 1 – Сравнительное количество заготовок сена по уездам

№	Уезд	Период изуч.	Общ. чис- ло хоз.	Всего хоз. кос. сено	Сбор копень (считая 5 пудов в копне)						Косилки (машин.)
					На лугу		В степи		На залежи		
					хоз.	коп.	хоз.	коп.	хоз.	коп.	
1	Кустанай- ский	1898 г.	19474 (МКЗ Т.V, 1903: 92)	18037 (МКЗ Т.V, 1903: 95)	17418	1504353	-	-	-	-	-
		1909 г.	20768 (МКЗ Куст., 1912: 412, 458, 466)	20264 (МКЗ Куст., 1912: 431, 461, 475)	15042	2060341	12710 (МКЗ Куст., 1912: 431, 461, 475)	2314159	3002	327469	2002 (МКЗ Куст., 1912: 428, 460, 473)
2	Актюбин- ский	1898- 1899 гг.	17689 (МКЗ Т.VII, 1903: 62)	17247 (МКЗ Т.VII, 1903: 69)	16640	2722092	4225	390748	-	-	-
		1910	17837 (МКЗ Акт., 1912: 378)	17464 (МКЗ Акт., 1912: 396)	14281	1455758	13202	1713530	8029	596212	3274 (МКЗ Акт., 1912: 394)
3	Тургай- ский	1908	15344 (МКЗ Тург., 1911: 256)	14776 (МКЗ Тург., 1911: 268)	14574	3067384	196	23846	-	-	126 (МКЗ Тург., 1911: 266)
4	Иргиз- ский	1911	17328 (МКЗ Ирг., 1913: 260)	15995 (МКЗ Ирг., 1913: 275)	-	600 397	-	213 788	-	215 958	501 (МКЗ Ирг., 1913: 273)

В первую очередь стоит отметить видную разницу между количеством специальных уборочных машин, которые еще в 1893 году на всю область могли насчитываться не более 50 штук. Теперь, спустя более чем 15 лет, в одном Актюбинском уезде зафиксированы 3274 штук сенокосильных машин. Последние сыграли значительную роль в развитии санных заготовок, расширяя масштабы сенокосов как в количе-

ственном, так и во временном отношении при проведении сборов.

Следующим моментом, на который необходимо обратить особое внимание в данных таблицы, является преобладающее процентное соотношение в пользу занимавшихся сенокосением практически во всех уездах области. По показаниям Кустанайского уезда, при исследовании последнего в 1898 году выясни-

лось, что в уезде не занималось сенокосением всего 1437 хозяйства, что составляло всего 7,69% от общего числа хозяйств при уезде. То есть почти 92% населения занимались сенокосом. Спустя 10 лет, количество не занимавшихся сенокосом уменьшилось до 2,48%, то есть лишь 504 хозяйств обходились без сена. Вместе с тем возросло и количество собираемого сена, почти в 3 раза. К луговым покосам были присоединены степные пастбища, так и залежные земли. В этом отношении возможно насторожить сокращение хозяйств косивших на лугах, на это могло повлиять переход на степные пастбища, для сбора степного сена – ковыля.

К сожалению, сведения о положении в южных уездах области доступны лишь с 1908 года. Однако это позволяет провести сравнение с материалами по северным уездам, которые рассматривались как наиболее подходящие для ведения посевных работ и сенокосения. Несмотря на ряд известных неблагоприятных условий заготовок сена в Иргизском уезде, и отставания в количестве собранного сена от самого северного уезда в количестве в 4,5 раз, к 1911 году занимавшихся в уезде сенокосами составило 91,7% от общего количества хозяйств. Также в Тургайском уезде в 1908 году 96,2% всех хозяйств занимались сбором сена, что для кочевого хозяйства следует признать максимальным результатом.

Более того, вполне очевидны возможные причины столь высоких показателей сенных урожаев и активного участия населения северных уездов. Это было обусловлено не только активной «колонизацией» всех приграничных уездов, в особенности в конце XIX века, но и благоприятными природно-климатическими условиями для сенокосной деятельности. В то же время возникает вопрос о причинах быстрого развития сенокосения в южных уездах в столь короткий период. Ведь эти территории, являвшиеся фактически «внутренними» землями, не обладали высокой производительностью и плодородием почвенного покрова. По данному вопросу можно разделить точку зрения В.Я. Бенькевича о том, что изъятие северных земель не могло не привести к сокращению числа казахов, вкочевывающих в Актюбинский и Кустанайский уезды для летнего выпаса скота. Точно также на сокращение вкочевов могли оказать влияние само занятие в местах зимнего, как и летне-

го пребывания сенокосением или хлебопашеством, где это было возможно (Бенькевич, 1918: 31). Южные равнины с засоленными почвами, часто превращающиеся в полностью бесплодные солонцы, заставляли казахов перемещаться к северу, спасаясь от нехватки воды, кормов и летнего зноя, а также стремясь обеспечить запасы корма на зиму. Согласно В.Я. Бенькевичу, в южной части области казахи начинали кочевку уже в феврале, с первыми признаками таяния снега: «Кочевники двигаются на север вслед за исчезающим снежным покровом, обнажающим остатки прошлогодней растительности, среди которой начинает пробиваться новая трава. После таяния снега остается на некоторое время и вода для людей, и для водопоя скота, чем и пользуется кочевник на безводных угодьях» (Бенькевич, 1918: 22).

Информация о данных кочевках в границах области между уездами по привычным маршрутам с юга на север и в обратном направлении содержится в «Материалах» экспедиции Ф. Щербины по Актюбинскому (МКЗ Т.VII, 1903: 14-28) и Кустанайскому (МКЗ Т.V, 1903: 186-189) уездам за 1898 и 1899 годы. Во время новых обследований области в 1908-1912 годах в отчетах по уездам уже не фиксируются перекочевки ни между областями, ни между уездами. Следовательно, можно сделать вывод, что с уменьшением перекочевов в северные уезды жители южных районов области выработали альтернативный способ содержания скота, неизбежно связанный с заготовкой сена для существующего поголовья.

Последовательное ограничение кочевых маршрутов по всей степи также стало препятствовать содержанию скота на естественном подножном корму, особенно в зимние месяцы. Это само собой повлияло на структуру стада, в котором все больше место занимал крупный рогатый скот, не нуждающийся в выпасе на подножном корму в отгонных табунах. Как было приведено ранее, будучи рабочим скотом, стал вытеснять, главным образом коневодство и отчасти овцеводство. В южных уездах Иргизского и Тургайском, где кочевки широко развиты, и где заготовка корма на зиму труднее, крупный рогатый скот также получил распространение, но в меньшей сравнительно степени, чем в северных уездах.

Таблица 2 – Количественный состав стада по уездам

№	Уезд	Скот					Период
		Лошадь	Крупный рогатый скот	Верблюды	Овцы	Козы	
1	Кустанайский	242944 (35,07%)	78644 (11,35%)	11555 (1,66%)	340458 (49,15%)	18900 (2,72%)	По Обзору Тургайской Области за 1870 г. (Обзор, 1871: 69-70)
	Актюбинский	254602 (23,13%)	80626 (7,32%)	50000 (4,54%)	700269 (63,63%)	15000 (1,36%)	
	Тургайский	187598 (22,29%)	75520 (8,97%)	45390 (5,39%)	520640 (61,87%)	12300 (1,46%)	
	Иргизский	300516 (18,86%)	15911 (0,99%)	61969 (3,88%)	1204687 (75,60%)	10297 (3,88%)	
2	Кустанайский	280161 (31,21%)	206376 (22,99%)	11129 (1,23%)	321400 (35,80%)	78470 (8,74%)	По данным «Материалов» экспедиции Кустанайского уезда за 1898 г. (МКЗ Т.V, 1903: 93)
		356621 (26,91%)	372065 (28,07%)	9487 (0,71%)	461716 (34,84%)	125308 (9,45%)	По данным «Материалов» экспедиции Кустанайского уезда за 1909 г. (МКЗ Куст., 1912: 416-418, 468-469, 458-459)
3	Актюбинский	127363 (18,06%)	233104 (33,05%)	19037 (2,64%)	280978 (39,84%)	44735 (6,34%)	По данным «Материалов» экспедиции Актюбинского уезда за 1898-1899 г. (МКЗ Т.VII, 1903: 64-66)
		166709 (13,89%)	349586 (29,1%)	21312 (1,77%)	632870 (44,42%)	128910 (10,74%)	По данным «Материалов» экспедиции Актюбинского уезда за 1910 г. (МКЗ Актюб., 1912: 382-384)
4	Тургайский	171555 (13,93%)	161589 (13,12%)	51945 (4,21%)	738191 (59,94%)	108157 (8,78%)	По данным «Материалов» экспедиции Тургайского уезда за 1908 г. (МКЗ Тург., 1911: 258-259)
5	Иргизский	143161 (14,98%)	98493 (10,30%)	89547 (9,37%)	553397 (57,92%)	70827 (7,41%)	По данным «Материалов» экспедиции Иргизского уезда за 1911 г. (МКЗ Ирг., 1913: 264-265)

Анализ представленной таблицы показывает, что все имеющиеся данные о количественном составе стада по уездам отражают сдвиг в процентном соотношении в направлении увеличения поголовья крупного рогатого скота во всех четырех уездах. Так, в 1870 году в Кустанайском уезде поголовье крупного рогатого скота насчитывало 78644 головы и находилось на третьем месте по численности в составе стада. К 1898 году количество крупного рогатого скота возросло в три раза, при этом пропорционально увеличилась его доля в общей структуре стада. Согласно «Материалам» экспедиции 1909 года в Кустанайском уезде устойчивый рост численности крупного рогатого скота стал постепен-

но замещать поголовье лошадей. Аналогично в Актюбинском уезде увеличение доли крупного рогатого скота в структуре стада происходило главным образом за счет сокращения овцеводства, удельный вес которого упал с 63,63% первоначально до 39,84%, а впоследствии до 44,42%. Хотя в 1910 году наблюдался определенный подъем, численность овец более не достигла первоначальных значений. По сравнению с овцеводством, уменьшение конского поголовья в стаде шло достаточно стабильно, демонстрируя устойчивую тенденцию к снижению. В 1870 году лошади занимали 23,13% от всего количества стада, в 1899 году лишь 18,06%, и 13,89% в 1910 году, соответственно.

Впечатлительные результаты имели южные районы. Прежде всего, значительный временной интервал не дает возможности отследить динамику увеличения или уменьшения, показывая только относительный финальный итог. Преимущественно овцеводческие «пустынные» уезды располагали крупным поголовьем, превышавшим миллион голов овец. Тургайский уезд, находившийся к югу от Кустанайского, обладал от северных рубежей до центральных районов хорошо орошаемыми землями с качественным травостоем, что давало возможность местному населению поддерживать аналогичную численность крупного рогатого скота в предшествующий период (Бенькевич, 1918: 7). Тем не менее в структуре стада доминировало овечье поголовье, составлявшее свыше половины – 61,78%. К 1908 году данный показатель сократился до 59,94%, тогда как удельный вес крупного рогатого скота в стаде увеличился с 8,97% до 12,12%. Подобные тенденции коснулись и конского поголовья. Иргизский уезд, наименее подходящий для содержания крупного рогатого скота, демонстрировал рост его численности с 15 911 голов до ста тысяч, при этом его представленность в стаде возросла с 0,99% до 10,30%. Такое увеличение происходило за счет уменьшения доли овец, поголовье которых сократилось вдвое. Сокращение каждых ста тысяч голов овец можно соотнести с двукратным ростом численности крупного рогатого скота в составе стада.

Содержание и разведение степного скота в новых реалиях стало затрудняться измененными системами выпаса, которые постепенно переориентировались с вопроса снабжения скота естественным кормом на задачу заготовки кормовых запасов для животных. Если прежде ограниченная территория выпаса и замедленные темпы перегона крупного рогатого скота между пастбищными участками серьезно препятствовали его содержанию, то в новых условиях каждый аул обладал собственными сенокосными угодьями, обеспечивавшими возможность кормления скота заготовленным сеном при стойловом содержании. Еще в 1830-е годы генерал-майор Броневский описывал казахов, кочевавших в приграничной зоне, волости которых усвоили от русских технологии сенокосения и усовершенствованного строительства скотных помещений, что способствовало лучшему сохранению поголовья в зимние месяцы (Броневский, 1830: 360). Открытые ограждения из камыша и плетеных конструкций оставались характерными для южных уездов, тогда как в более северных террито-

риях получили распространение крытые сооружения и утепленные загоны.

Подробную информацию о структуре помещений, принципах строительства и организации содержания скота можно найти в исследовании А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1895: 18-19, 69-70, 93, 181-182, 231-232). Скотские помещения на казахском языке именовались азбар (жалаңаш азбар – некрытые помещения для животных и бітеу қора – крытые помещения). В северных уездах области, Кустанайском и Актюбинском, их сооружали из аналогичных с человеческим жильем материалов, а именно из древесины и сырцового кирпича, с покрытием из камыша или соломы. Азбары располагались в непосредственной близости к зимовкам, формируя правильную четырехугольную планировку. В районах с зарослями тальника вдоль речных берегов зимние скотные помещения порой возводились из данного материала. В южных уездах, Тургайском и Иргизском, скотоводческие постройки практически повсеместно сооружались из камыша. Деревянные постройки имелись только у немногих зажиточных казахов Кустанайского уезда. Внутреннее устройство азбара, согласно хозяйственным требованиям, зачастую включало перегородки из материала, аналогичного наружным стенам. Обособленные секции были рассчитаны на размещение конкретного типа животных (конюшни – жылқы азбар; овечьи загоны – қой қора; верблюжатники – түйе қора; коровники – сиыр қора) (Добросмыслов, 1895: 18). Построенные подобным образом скотские сооружения отличались разнообразными размерами; наиболее вместительные из них позволяли содержать от 1000 до 2000 овец и коз, до 100 единиц крупного рогатого скота и до 50 верблюдов (Добросмыслов, 1895: 19). Хлевное содержание скота продолжалось до первых весенних месяцев, при этом животные питались преимущественно сеном. Естественно, что скот от такого корма не набирал вес, но это поддерживало его жизнеспособность. Казахи по этому поводу говорили: «Суды өзі кешіп ішпей, мал қонданбайды; Шөпті өзі орып жемей, мал жонданбайды», что означало, что без свободного выпаса скот не сможет «нагуливать» жир и прибавлять в весе.

Сбор самого сена хозяйствами не происходил хаотично. В 1898 году по «Материалам» экспедиции, каждый хозяйственный аул Кустанайского уезда имел обособленные от других покосы и пашни. Без разрешения аул-аксакалов, никто из посторонних не имел права распахать

или косить степь, принадлежащую известному аулу (МКЗ Т.В., 1903: 66). Пользование покосами в Кустанайском уезде было крайне разнообразным. Наиболее простой формой пользование являлось кошение всего хозяйства «сообща». Каждая кибитка выставляла по одному косцу, а некоторым наиболее богатым хозяевам разрешалось посылать на покос 2-3 и более косцов. Сено убиралось сообща и распределялось между хозяевами по количеству выставленных ими работников (МКЗ Т.В., 1903: 71). Но эти примеры встречались не во всех волостях одинаково, так как существовало собственное пользование покосами, косившие «подворно» (МКЗ Т.В., 1903: 47). Также существовал ежегодный дележ покосов, в большинстве случаев при разделении сенокосных участков на равные части, при котором предоставлялся выбор лучшего участка по старшинству, уважаемым аксакалам (МКЗ Т.В., 1903: 61, 71). Ценность сенокосных угодий все более возрастала.

Тем не менее, несмотря на высокую продуктивность и крупные объемы сенных заготовок, которыми обладали как северные, так и южные территории, запасов кормов, требуемых на зимний сезон, оказывалось недостаточно по отношению к численности скота. Это обстоятельство обусловило расширение сенокосных площадей на степных пастбищах [Таблица 1], а также развитие практики выращивания зерновых культур для скормливания животным проса или овса. Данная практика получила большее распространение в северных уездах, и информацию о ней можно обнаружить в «Материалах» статистической экспедиции. В Актюбинском уезде за 1910 год скотом было потреблено 95745 пудов овса, и 29083 пудов проса (МКЗ Актюб., 1912: 395). В Кустанайском уезде за 1909 год скотом было потреблено в Саройской волости 112116 пудов овса и проса (МКЗ Куст., 1912: 463), в Чубарской волости 57012 пудов овса (МКЗ Куст., 1912: 474), и в остальных волостях потреблено 567939 пудов овса, и 27825 пудов проса (МКЗ Куст., 1912: 429).

В этом вопросе краеугольным камнем является оставшаяся после вспаханная земля, которая с широким развитием земледельческого хозяйства подвергалась «хищническим» приемам использования земель под хлебопашество, теперь и под сенокосение. Суть заключалась в том, что впервые подняв целину и засеяв ее хлебом, хозяева чаще всего продолжали высевать зерно на той же площади из года в год до тех пор, пока земля не начинала полностью зарастать сорными травами

(МКЗ Т.В., 1903: 125). В действительности распашка бесспорно кардинально трансформирует степную флору. Показательным является факт, отмеченный в «Материалах» экспедиции по Кустанайскому и Актюбинскому уездам, о том, что на вспаханных степных территориях исчезает «перистый ковыль» – боз. Даже на 20 летних и еще более старых залежах, казахи не встречали перистого ковыля (МКЗ Т.В., 1903: 96).

Более того, в силу недостатка сенных запасов в новых реалиях, залежные земли начинали служить новыми сенокосными «угодьями». Казахи Ара-Карагайской волости говорили, что залежь в течение первых 2-3-х лет совершенно не может служить пастбищем, «ничего не растет», кроме высокого шагыра (высоких трав с грубыми деревянистыми стеблями) который, если скосить, то в сухом виде зимой могут съедать верблюды (МКЗ Т.В., 1903: 95). На залежных участках 3-4-летнего возраста уже могли пастись крупный рогатый скот и овцы, тогда как лошади не использовали залежи для летнего выпаса до восстановления мелких злаков – бетеге (ковыль, типчак). На нескосываемых залежах бетеге возобновлялась на легких почвах в течение 7-10 лет, на тяжелых в течение 10-15 лет (МКЗ Т.В., 1903: 96). В результате залежные земли, образовавшиеся после распашки, стали причиной ухудшения почвенного плодородия, замедленного восстановления растительного покрова и формирования глубокого плотного снежного покрова.

Заключение

Введение исключительно сенокосения как аграрного нововведения в Тургайских степях привело к масштабным изменениям, которые коснулись не только отхода от привычных форм «пастушеского» хозяйствования казахского населения, но и воздействия на природную среду региона. Очевидно, что данная трансформация была вызвана усиливающимся присутствием переселенцев-крестьян. Формы ведения хозяйства переселенцев кардинально отличались от кочевого быта казахов. Однако следует признать и более раннее распространение новых практик в области укрепленных линий. Разница состояла в том, что в данной ситуации социальное взаимодействие осуществлялось естественным путем, в то время как позднее оно стало принимать форму принудительных предписаний. Дискурс власти отражал обеспокоенность крупномасштабным падежом скота в годы неурожая, бурь

и гололедицы, предотвращение которого должно было составлять государственную задачу. Власть игнорировала альтернативные представления о степной среде, ее потенциале и способности человека к адаптации в ней, ставя на один уровень экономические потребности казахского и русского крестьянства. Основными направлениями административной политики развития сенокосения стали установление обязательных норм заготовки сена, распространение сенокосильного оборудования и реорганизация паст-

бищ в сенокосные участки. Следствием этих инициатив явились кардинальные преобразования традиционного хозяйства, как утверждение стойлового содержания скота, изменение принципов землепользования и истощение плодородного слоя почвы.

Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (МНВО РК) АР23489947

Литература

- Апполова Н.Г. (1960). Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М.: Изд. АН СССР. 456 с.
- Аргынбаев Х.А. (2007). Историко-культурные связи русского и казахского народов. 2-е издание. 10 том. Астана: Алтын кітап. 242 с.
- Бенькевич В.Я. (1918). Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Оренбург: Электро-Тип. Тург. Обл. Управ. 186 с.
- Борьба с эпизоотиями. 1894. Киргизская степная газета, №7, с. 1.
- Броневский. (1830). Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. Отечественные записки, № 122, с. 360.
- Байтұрсынов А. (А.Б.). (2023). «Андаспаған мәселе» турасында. «Қазақ» газеті. 1914 жыл. Кұраст.: Ф.Әнес, Т.Замзаева. Алматы: «Алашорда» қоғамдық қоры. Б. 46-47.
- Бөкейханов Ә. (Қыр баласы). (2023а). Жауап хат. «Қазақ» газеті. 1913 жыл. Кұраст.: Ф.Әнес, Т.Замзаева. Алматы: «Алашорда» қоғамдық қоры. Б. 354.
- Бөкейханов Ә. (Қыр баласы). (2023б). Жауап хат. «Қазақ» газеті. 1913 жыл. Кұраст.: Ф.Әнес, Т.Замзаева. Алматы: «Алашорда» қоғамдық қоры. Б. 344-346.
- Бөкейханов Ә. (Қыр баласы). (2023в). Айналма. «Қазақ» газеті. 1913 жыл. Кұраст.: Ф.Әнес, Т.Замзаева. Алматы: «Алашорда» қоғамдық қоры. Б. 450-451.
- Бөкейханов Ә. (Қыр баласы). (2023г). Жауап хат. «Қазақ» газеті. 1914 жыл. Кұраст.: Ф.Әнес, Т.Замзаева. Алматы: «Алашорда» қоғамдық қоры. Б. 136-137.
- Ветеринарно-санитарный отчет ветеринарного врача 4-го участка Тургайской Области за 1897 г. // ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Кн. 2. Д. 4245. Л. 280.
- Ветеринарно-санитарный отчет ветеринарного врача 5-го участка за 1893 г. // ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4206. Л. 73об.
- Гавердовский Я.П. (2005). *Обозрение Киргиз-кайсацкой степи. Ч. 2. История Казахстана в русских источниках XVI-XIX вв.* Том 5. Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс. С. 283-496.
- Добросмыслов А.И. (1892). Падеж животных в Тургайской области во время зимы 1891-92 гг. и весны 1892 года от недостатка корма, гололедицы и буранов. Оренбург: Типо-литография Б.Бреслина. 26 с.
- Добросмыслов А.И. (1895). Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тургайский Областной Статистический Комитет. 360 с.
- Жакмон А. (1892). Внутренние известия. Оренбург, 18 августа. Московские ведомости, №237. Цит по: Алекторов А.Е. (1900). Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Тип.-лит. Имп. Унив. С. 333.
- Казахи. (2021). Отв. ред. С.Е. Ажигали [и др.]. Москва: Наука. 844 с.
- Кауфман А.А. (1897). Переселенцы-арендаторы Тургайской области: (2-я ч. Отчета ст. производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область). Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Ко. 140 с.
- Левшин А.И. (1832). Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3: Этнографические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя. 304 с.
- Масанов Н.Э. (1995). Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнист – Москва: Горизонт. 320 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Актыбинский уезд. Т.VII. (1903). Под ред. Ф. Щербина. Воронеж. 575 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайская область. Кустанайский уезд. Т.V. (1903). Под ред. Ф. Щербина. Воронеж. 537 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. (1911). Оренбург. 283 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Актыбинский уезд. (1912). Оренбург. 420 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Кустанайский уезд. (1912). Оренбург. 483 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Иргизский уезд. (1913). Оренбург. 317 с.

Мейер Л. (1865). Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург. 382 с.

Михайлов В. (1894а). Беседы о скотоводстве. Киргизская степная газета, №11, с. 3.

Михайлов В. (1894б). Беседы о скотоводстве. Киргизская степная газета, №15, с. 2.

Обзор Тургайской области за 1870 год. (1871). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 69 с.

Обзор Тургайской области за 1871 год. (1872). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 63 с.

Обзор Тургайской области за 1872 год. (1873). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 64 с.

Обзор Тургайской области за 1875 год. (1876). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 71 с.

Обзор Тургайской области за 1876 год. (1877). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 59 с.

Обзор Тургайской области за 1877 год. (1878). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 41 с.

Обзор Тургайской области за 1878 год. (1879). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 35 с.

Обзор Тургайской области за 1893. (1894). Оренбург: Тип. Б. Бреслина. 23 с.

Обзор Тургайской области за 1894. (1895). Оренбург: Тип. Б. Бреслина. 127 с.

Обзор Тургайской области за 1896 год. (1897). Оренбург: тип. Б. Бреслина. 57 с.

Орак. (2017). Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Том 4. Алматы: ТОО АДИ. С. 609.

Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. (1903). Под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова и проф. В. И. Ламанского. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена. 478 с.

Полферов Я.Я. (1896). Земледелие в Тургайской области: очерк. Оренбург: Тургайский обл. стат. комитет. 66 с.

Прохоров И.Р. (2006). Историческая география казахского земледелия // Вестник Карагандинского университета, №2(42), с. 155-161.

Рапорт ветеринарного врача 4-го участка за №60 от 26 Мая 1897 г. // ЦГА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 4237. Л. 56.

Рычков П.И. (1762). Топография Оренбургской губернии. Ч.1. СПб. 331 с.

Сейдалин Т. (1870). О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая. ЗООИРГО, Вып. I., с. 243-249.

Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 уч. году.; пер. с фр. В.Ю. Быстрова и др. СПб.: Наука. 544 с.

Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX веков: материалы к историко-этнографическому атласу. (1980). Отв. ред. Г.Ф. Дахшлейгер. Алма-Ата: Наука КазССР. 252 с.

Agrawal A. (2005). *Environmentality: Technologies of Government and the Making of Subjects*. Durham, N.C.: Duke University Press. 325 p.

Campbell I. (2018). 'The scourge of stock raising': Zhut, limiting environments and the economic transformation of the Kazak steppe". *Eurasian Environments: Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History*. Ed. by N. Breyfogle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. P. 60-74.

Campbell I.W. (2017). *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 288 p.

Hacking I. (1990). *The Taming of Chance*. Cambridge: Cambridge University Press. 264 p.

Hannah M.G. (2000). *Governmentality and the Mastery of Territory in Nineteenth Century America*. Cambridge: Cambridge University Press. 245 p.

Moon D. (2013). *The Plough that Broke the Steppes. Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700-1914*. **Oxford: Oxford University Press. 319 p.**

Morrison A. (2016). **Russian Settler Colonialism** / *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism*. Ed. by Lorenzo Veracini, Cavanagh Abingdon. Routledge. P. 313-326.

Peterson M. (2019). *Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin*. Cambridge: Cambridge University Press. 400 p.

Vernon J. (2007). *Hunger: A Modern History*. Cambridge, Mass.: Belknap Press. 369 p.

References

Appolova N.G. (1960). *Jekonomicheskie i politicheskie svjazi Kazahstana s Rossiej v XVIII – nachale XIX vv* [Economic and Political Relations of Kazakhstan with Russia in the 18th – Early 19th Centuries]. M.: Izd. AN SSSR. 456 s. (In Russian)

Argynbaev H.A. (2007). *Istoriko-kul'turnye svjazi russkogo i kazahskogo narodov* [Historical and Cultural Relations of Russian and Kazakh Peoples]. 2-e izdanie. 10 tom. Astana: Altyn kitap. 242 s. (In Russian)

Ben'kevič V.Ja. (1918). *Zhivotnovodstvo v Turgajskoj oblasti i ego jekonomicheskoe i hozjajstvennoe znachenie dlja naselenija* [Animal Husbandry in Turgai Region and Its Economic and Agricultural Significance for the Population]. Orenburg: Jeлектро-Тip. Turg. Obl. Uprav. 186 s. (In Russian)

Bor'ba s jepizootijami [Animal disease control]. 1894. Kirgizskaja stepnaja gazeta, №7, s. 1. (In Russian)

Bronevskij. (1830). *Zapiski o kirgiz-kajsakah Srednej ordy* [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. Otechestvennye zapiski, № 122, s. 360. (In Russian)

- Bajtursynov A. (A.B.). (2023). «Andaspagan masele» turasynda. «Kazak» gazet. 1914 zhyl. Kurast.: G.Anes, T.Zamzaeva. Almaty: «Alashorda» kogamdyk kory. B. 46-47. (In Kazakh)
- Bokejhanov Ə. (Kyr balasy). (2023a). Zhauap hat. «Kazak» gazet. 1913 zhyl. Kurast.: G.Anes, T.Zamzaeva. Almaty: «Alashorda» kogamdyk kory. B. 354. (In Kazakh)
- Bokejhanov Ə. (Kyr balasy). (2023b). Zhauap hat. «Kazak» gazet. 1913 zhyl. Kurast.: G.Anes, T.Zamzaeva. Almaty: «Alashorda» kogamdyk kory. B. 344-346. (In Kazakh)
- Bokejhanov Ə. (Kyr balasy). (2023v). Ajnalma. «Kazak» gazet. 1913 zhyl. Kurast.: G.Anes, T.Zamzaeva. Almaty: «Alashorda» kogamdyk kory. B. 450-451. (In Kazakh)
- Bokejhanov Ə. (Kyr balasy). (2023g). Zhauap hat. «Kazak» gazet. 1914 zhyl. Kurast.: G.Anes, T.Zamzaeva. Almaty: «Alashorda» kogamdyk kory. B. 136-137. (In Kazakh)
- Veterinarnoo-sanitarnyj otchet veterinarnogo vracha 4-go uchastka Turgajskoj Oblasti za 1897 g. [Veterinary-sanitary report of the veterinary doctor of the 4th district of Turgai Region for 1897] // TsGA RK F. 25. Op. 1. Kn. 2. D. 4245. L. 280.
- Veterinarno-sanitarnyj otchet veterinarnogo vracha 5-go uchastka za 1893 g. [Veterinary-sanitary report of the veterinary doctor of the 5th district for 1893] // TsGA RK F. 25. Op. 1. D. 4206. L. 73ob.
- Gavardovskij Ja.P. (2005). Obozrenie Kirgiz-kajsackoj stepi. Ch. 2. Istorija Kazahstana v russkikh istochnikah XVI-XX vv. [Survey of the Kirghiz-Kaisak Steppe. Part 2. History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th-20th Centuries]. Tom 5. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Dajk-Press. S. 283-496. (In Russian)
- Dobrosmyslov A.I. (1892). Padezh zhivotnyh v Turgajskoj oblasti vo vremja zimy 1891-92 gg. i vesny 1892 goda ot nedostatka korma, gololedicy i buranov [Livestock Mortality in Turgai Region during the Winter of 1891-92 and Spring of 1892 from Lack of Feed, Ice Storms and Blizzards]. Orenburg: Tipo-litografija B.Breslina. 26 s. (In Russian)
- Dobrosmyslov A.I. (1895). Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti [Animal Husbandry in Turgai Region]. Orenburg: Turgajskij Oblastnoj Statisticheskij Komitet. 360 s. (In Russian)
- Zhakmon A. (1892). Vnutrennie izvestija [Internal news]. Orenburg, 18 avgusta. Moskovskie vedomosti, №237. Cit po: Alektorov A.E. (1900). Ukazatel' knig, zhurnal'nyh i gazetnyh statej i zametok o kirgizah [Index of Books, Journal and Newspaper Articles and Notes about Kirghiz]. Kazan': Tip.-lit. Imp. Univ. S. 333. (In Russian)
- Kazahi [Kazakhs]. (2021). Otv. red. S.E. Azhigali [i dr.]. Moskva: Nauka. 844 s. (In Russian)
- Kaufman A.A. (1897). Pereselency-arendatory Turgajskoj oblasti: (2-ja ch. Otcheta st. proizvoditelja rabot Kaufmana po komandirovke v Turgajskuju oblast') [Settler-Tenants of Turgai Region: (2nd part of the Report by Senior Work Supervisor Kaufman on his Mission to Turgai Region)]. Sankt-Peterburg: Tipografija V. Bezobrazova i Ko. 140 s. (In Russian)
- Levshin A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepej. Ch. 3: Jetnograficheskie izvestija [Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes. Part 3: Ethnographic Information]. SPb.: Tip. Karla Krajja. 304 s. (In Russian)
- Masanov N.Je. (1995). Kochevaja civilizacija kazahov: osnovy zhiznedejatel'nosti nomadnogo obshhestva [Nomadic Civilization of Kazakhs: Foundations of Nomadic Society Life]. Almaty: Socinvest – Moskva: Gorizont. 320 s. (In Russian)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrabotannye jekspediciej po issledovaniju stepnyh oblastej. Turgajskaja oblast'. Aktjubinskij uezd [Materials on Kirghiz Land Use, collected and developed by the expedition for the study of steppe regions. Turgai Region. Aktobe District]. T.VII. (1903). Pod red. F. Shherbina. Voronezh. 575 s. (In Russian)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrabotannye jekspediciej po issledovaniju stepnyh oblastej Turgajskaja oblast'. Kustanajskij uezd [Materials on Kirghiz Land Use, collected and developed by the expedition for the study of steppe regions. Turgai Region. Kostanay District]. T.V. (1903). Pod red. F. Shherbina. Voronezh. 537 s. (In Russian)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrabotannye Statisticheskoy partiej Turgajsko-Ural'skogo pereselencheskogo rajona. Turgajskij uezd [Materials on Kirghiz Land Use, collected and developed by the Statistical Party of Turgai-Ural Resettlement District. Turgai District]. (1911). Orenburg. 283 s. (In Russian)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrabotannye Statisticheskoy partiej Turgajsko-Ural'skogo pereselencheskogo rajona. Aktjubinskij uezd [Materials on Kirghiz Land Use, collected and developed by the Statistical Party of Turgai-Ural Resettlement District. Aktobe District]. (1912). Orenburg. 420 c. (In Russian)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrabotannye Statisticheskoy partiej Turgajsko-Ural'skogo pereselencheskogo rajona. Kustanajskij uezd [Materials on Kirghiz Land Use, collected and developed by the Statistical Party of Turgai-Ural Resettlement District. Kostanay District]. (1912). Orenburg. 483 s. (In Russian)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrabotannye Statisticheskoy partiej Turgajsko-Ural'skogo pereselencheskogo rajona. Irgizskij uezd [Materials on Kirghiz Land Use, collected and developed by the Statistical Party of Turgai-Ural Resettlement District. Irgiz District]. (1913). Orenburg. 317 s. (In Russian)
- Mejer L. (1865). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva [Materials for Geography and Statistics of Russia. Kirghiz Steppe of Orenburg Department]. Sankt-Peterburg. 382 s. (In Russian)
- Mihajlov V. (1894). Besedy o skotovodstve [Conversations about Animal Husbandry]. Kirgizskaja stepnaja gazeta, №11, s. 3. (In Russian)
- Mihajlov V. (1894). Besedy o skotovodstve [Conversations about Animal Husbandry]. Kirgizskaja stepnaja gazeta, №15, s. 2. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1870 god [Review of Turgai Region for 1870]. (1871). Orenburg: tip. B. Breslina. 69 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1871 god [Review of Turgai Region for 1871]. (1872). Orenburg: tip. B. Breslina. 63 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1872 god [Review of Turgai Region for 1872]. (1873). Orenburg: tip. B. Breslina. 64 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1875 god [Review of Turgai Region for 1875]. (1876). Orenburg: tip. B. Breslina. 71 s. (In Russian)

- Obzor Turgajskoj oblasti za 1876 god [Review of Turgai Region for 1876]. (1877). Orenburg: tip. B. Breslina. 59 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1877 god [Review of Turgai Region for 1877]. (1878). Orenburg: tip. B. Breslina. 41 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1878 god [Review of Turgai Region for 1878]. (1879). Orenburg: tip. B. Breslina. 35 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1893 god [Review of Turgai Region for 1893]. (1894). Orenburg: Tip. B. Breslina. 23 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1894 god [Review of Turgai Region for 1894]. (1895). Orenburg: Tip. B. Breslina. 127 s. (In Russian)
- Obzor Turgajskoj oblasti za 1896 god [Review of Turgai Region for 1896]. (1897). Orenburg: tip. B. Breslina. 57 s. (In Russian)
- Orak [Reaping Hook]. (2017). Kazaktyn jetnografijalyk kategorijalar, ugymdar men ataularynyn dasturly zhujesi. Jenciklopedija. Tom 4. Almaty: TOO ADI. S. 609. (In Kazakh)
- Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naja i dorozhnaja kniga dlja russkikh ljudej [Complete Geographical Description of Our Fatherland. Desktop and Travel Book for Russian People]. T. 18. Kirgizskij kraj. (1903). Pod red. V. P. Semenova i pod obshh. rukovodstvom P. P. Semenova i prof. V. I. Lamanskago. Sankt-Peterburg: Izdanie A.F. Devriena. 478 s. (In Russian)
- Polferov Ja.Ja. (1896). Zemledelie v Turgajskoj oblasti: ocherk [Agriculture in Turgai Region: An Essay]. Orenburg: Turgajskij obl. stat. komitet. 66 s. (In Russian)
- Prohorov I.R. (2006). Istoricheskaja geografija kazahskogo zemledelija [Historical Geography of Kazakh Agriculture]. Vestnik Karagandinskogo universiteta, №2(42), s. 155-161. (In Russian)
- Raport veterinarnogo vracha 4-go uchastka za №60 ot 26 Maja 1897 g. [Report of the veterinary doctor of the 4th district No. 60 dated May 26, 1897] // TsGA RK F. 25. Op. 1. D. 4237. L. 56.
- Rychkov P.I. (1762). Topografija Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg Province]. Ch.1. SPb. 331 s. (In Russian)
- Sejdaulin T. (1870). O razvitii hlebovoshestva po bassejnu reki Turgaja [On the Development of Grain Cultivation in the Turgai River Basin]. ZOOIRGO, Vyp. I., s. 243-249. (In Russian)
- Foucault M. (2011). Bezopasnost', territorija, naselenie [Security, Territory, Population]. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uch. godu.; per. s fr. V.Ju. Bystrova i dr. Spb.: Nauka. 544 s. (In Russian)
- Hozjajstvo kazahov na rubezhe XIX-HH vekov: materialy k istoriko-jetnograficheskomu atlasu [Economy of Kazakhs at the Turn of the 19th-20th Centuries: Materials for Historical-Ethnographic Atlas]. (1980). Otv. red. G.F. Dahshlejger. Alma-Ata: Nauka KazSSR. 252 c. (In Russian)
- Agrawal A. (2005). Environmentalism: Technologies of Government and the Making of Subjects. Durham, N.C.: Duke University Press. 325 p.
- Campbell I. (2018). 'The scourge of stock raising': Zhut, limiting environments and the economic transformation of the Kazak steppe". Eurasian Environments: Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History. Ed. by N. Breyfogle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. P. 60-74.
- Campbell I.W. (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, NY: Cornell University Press. 288 p.
- Hacking I. (1990). The Taming of Chance. Cambridge: Cambridge University Press. 264 p.
- Hannah M.G. (2000). Governmentality and the Mastery of Territory in Nineteenth Century America. Cambridge: Cambridge University Press. 245 p.
- Moon D. (2013). The Plough that Broke the Steppes. Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700-1914. Oxford: Oxford University Press. 319 p.
- Morrison A. (2016). Russian Settler Colonialism / The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism. Ed. by Lorenzo Veracini, Cavanagh Abingdon. Routledge. P. 313-326.
- Peterson M. (2019). Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. Cambridge: Cambridge University Press. 400 p.
- Vernon J. (2007). Hunger: A Modern History. Cambridge, Mass.: Belknap Press. 369 p.
- Сведения об авторах:**
- Айбуби Иманалиевна Дүйсебаева – PhD, старший преподаватель кафедры истории Казахстана, КазНУ имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: a.duisebayeva@gmail.com);
- Едыл Ноянович Ноянов – к. и. н., и. о. доцента кафедры истории Казахстана, КазНУ имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: edl.noyanov@mail.ru).
- Автор туралы мәлімет:**
- Айбуби Иманәліқызы Дүйсебаева – PhD, Қазақстан тарихы кафедрасының аға оқытушысы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: a.duisebayeva@gmail.com
- Еділ Ноянұлы Ноянов – т.ғ.к., Қазақстан тарихы кафедрасының доценті м.а., әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: edl.noyanov@mail.ru
- Information about author:**
- Aibubi Duisebayeva – PhD, senior lecturer at the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: a.duisebayeva@gmail.com
- Edyl Noyanov – Candidate of Historical Sciences, Acting Associate Professor at the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: edl.noyanov@mail.ru

Поступило: 16.07.2025

Принято: 28.08.2025